

«Я СЛЕД, КОТОРЫЙ ПОРОДИТ ДОРОГУ...»

АБАЙ

А. Кастеев. Абай на джайляу

Лето

Середина лета. Жара.
Покрывает степь муравой.
Родниками полна река.
Полыхают маки кругом.
К берегам кочует аул.
Незаметны кони в траве,
Наливные блестят бока
Кобылиц, стоящих в воде.
Стригунки резвятся вокруг,
Отбивая хвостами мух.
Улетают утки на луг,
Догоняет их гусь-пастух,
Рассекая небо крылом,
Оглашая криком края.
Расставляют юрты втроём
Молодые снохи с утра.
Круглобёдр их девичий стан,
Белоснежные руки быстры,
Переливчат и звонок смех.

Объезжая стада свои,
Возвращается бай домой,

Не спеша, трусцой на коне,
Весь довольный самим
собой.

Наливают кумыс в кесе,
Выставляют на стол саба,
Уважаемых чтут гостей,
Веселятся в кругу, шутя.
Мясо варится в казане,
А малыш свою просит мать
Ему вкусного мяса дать.
Развалившись, сидят в тени
На красивом красном ковре
Краснощёкие богачи,
Разговор ведут о байге.
Красноречие – божий дар,
Почитаем такой в кругу,
И дымящийся самовар
Преподносят слуги к столу.

Одинокий бедный старик
Сиротливо стоит в стороне,
Но увидев, что мчат пастухи
Поднимающих пыль коней,

Выбегает на них, кричит,
Белым посохом машет вслед,
Захотел и он получить
Со стола богачей обед.
Подоткнув свои чапаны,
Перед баем кружа в седле,
Кумыса просят чабаны.
Молодёжь шумит на реке.
На плечах у них сокола,
Нарезные ружья в руке,
Белокрылого гонят гуся.

Тот бедняк стоит вдалеке,
А в руках уже нету сил.
То, что было, бильём поросло,
Лишь остался никчемный пыл.
Твоё время, старик, прошло,
Но он помощи не просил
И смеялся всем людям назло.

Перевод
Ф. Тамендарова

* * *

Не надо братья за домбру, –
 Мне с сердцем скорбным
 совладать ли,
 Я, растревоженный, замру,
 И слезы выступят по капле.

Боюсь, опять в душе моей
 Проснутся отзвуки былого.
 И, ослабев среди теней,
 В печаль, как в бред,
 впаду я снова.

Так подойди же и пойми,
 Всмотрись в меня
 с теплом во взгляде,
 И боль души моей уйми
 Ты медом слов, моя отрада.

Пусть буду снова оболещен,
 Забыв о тлени былого,
 Сумей найти вернейший тон,
 Чтоб скорби скинулись оковы.

Способен многому я внять,
 Коль подойдешь ко мне ты тонко.
 Вглубь мыслей разных я опять
 Уйду с тобою потихоньку.

В байге хорошей и дурной
 Устал я от порывов тщетных.
 Так будь побережней со мной, –
 Насыть меня плодом заветным.

Перевод А. Кодара

М. Лизогуб. Сказка

С. Айтбаев. Молодые казахи

* * *

О казахи мои, мой бедный народ!
 Ус, не ведавший бритвы, скрывает твой рот.
 Кровь за левой щекой, жир за правой щекой.
 Где добро и где зло, ум ли твой разберет?
 С глазу на глаз приветлив и добр, но потом,
 Как торгаш, ты меняешься сразу лицом.
 Не внимая другим, ты твердишь про свое,
 А твои пустозвоны гремят языком.
 Ты владеешь добром? Ты об этом забудь,
 Днем угрюм, по ночам ты не можешь уснуть.
 Кто завистлив и волей не тверд, тот всегда
 Легковесен во гневе иль радости будь.
 Все ничтожества бредят славой мирской,
 Суетятся, шумят, нарушая покой.
 Сомневаюсь весьма в исправленьи твоём,
 Коли воля твоя стала волей чужой.

Из-за мелочи ближний обидчив навек,
 Будто разума Богом лишен человек.
 Нет единства, согласия, нет правды в душе,
 Потому табуны твои тают как снег.
 Всё не впрок: и богатство, и ум, и родство,
 Только зависть съедает твоё естество.
 Изживи этот старый порок, а не то
 Разорвешь на лоскутья себя самого.
 Ты тягался с другими умом и добром.
 Ты себя надорвешь в состязаньи таком.
 Если вовремя свой не исправишь изъян,
 Ты останешься низок всегда и во всем.
 И тебе никогда не утешиться впредь,
 Если горки не можешь в пути одолеть.
 Переменчивы все, нет опоры ни в ком.
 Ну скажи, что за польза в веселье таком?
 Если мудрый наставник придет, то его
 Очернят за спиной потайным шепотком.

Перевод Ю. Кузнецова

А. Черкасский. Дина и Джамбул

* * *

Поэзия – властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота сравнений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, –
Такая песня миру не нужна,
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры, –
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу –
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам,
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теша встречных
лестью.

На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях оскудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

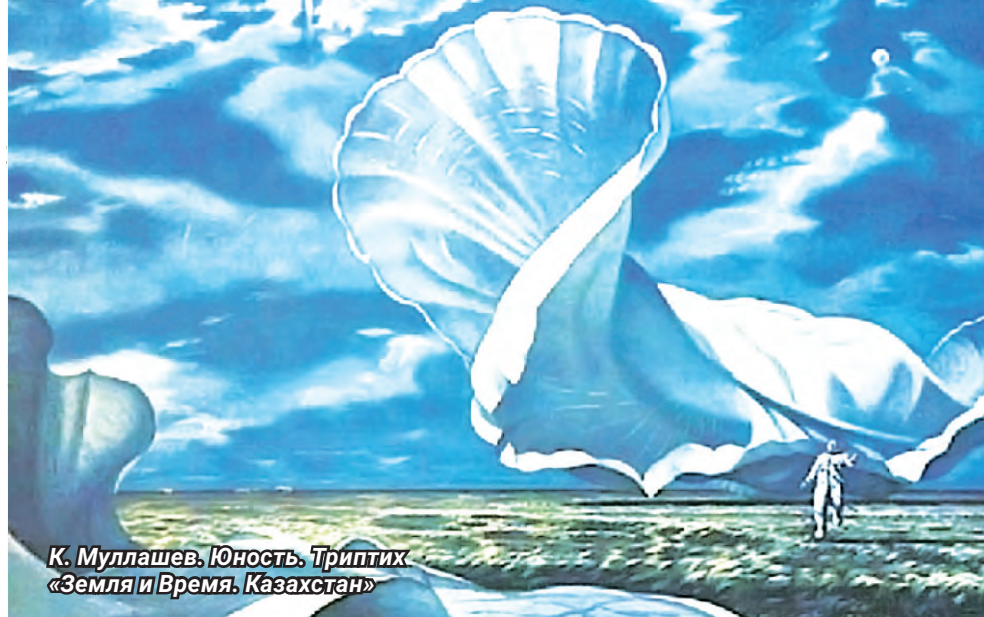
Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой,
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослать охота.
Затеяв драку, «Бей, – кричит, – врага!» –
Авось, он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость – не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи.
Не ищут знания – лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

Перевод В. Звягинцевой

**К. Муллашев. Юность. Триптих
«Земля и Время. Казахстан»**

Стук часов – не робкий шелест забытья,
Это судорожный ропот бытия.
В каждом звуке чья-то жизнь и чья-то смерть,
Не уйти, не обмануть, не претерпеть.

Вор скребущийся, крадущий день за днем,
Время зыбкое, – ты верно лишь в одном:
Что бесплотный, безвозвратный твой поток
Не меня лишь одного собой увлек.

Знак прошедшего – скользкий этот звук,
Легкий знак минувших радостей и мук,
Знак, подсудный лишь усталому уму,
Но от этого не легче никому.

День отмерен, минул месяц, канул год,
Старит время, мчится время на проход,
Истекает, убегает навсегда, –
Лишь Создателю то ведомо, куда.

Перевод Е. Курдакова

Тебе я вверился, мой бог.
Веди к себе, я – твой во всём.
Не вижу рядом ни души,
Когда за горло взят врагом.
Вождей родов Аргын, Найман
Пронял я слов своих огнем.
Но низкой черни Тобыкты
Что значит слова град и гром?
Словами в слитках золотых
Соришь пред ними, не берут
Сколь ни проси, за медный лом.
С базара грешного, за бязь,
Сорвать хотели бы парчу,
Стараясь вас надуть притом.
Но если узел разрубить,
Надменных головы срубить,
Назначит время перелом.
Возможно ль кары избежать
Пред божьей ярости лицом?!

Перевод А. Кодара

**К. Муллашев. Над белой пустыней.
Триптих «Земля и Время. Казахстан»**

* * *

Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?
 Где былые силы твои? Ты стал иным!
 В надежде горечь таится. Коварна жизнь!
 А мы в своем злополучье других виним.
 Любая радость твоя перейдет в печаль.
 Что суетиться ради немногих дней?
 Ты не найдешь того, из-за чего не жаль
 Близких своих забыть и оттолкнуть друзей.
 Если речь не от сердца – слова придержи!
 Язык привычен лукавить, послушен лжи.
 Ты разве знаешь предел желаньям твоим?
 Они скрывают завесой истину от души.

Перевод М. Петровых

К. Муллашев. Чабан

А. Болюх. Пшеничное поле

* * *

Умру. И стану вновь землей,
 И мой язык насмешкой злой
 Не тронет ледяным коварством
 Сердце, обиженных судьбой.
 Но рок судьбы нагрянет в срок
 На твой порог и мой порог
 И пересудит все ошибки
 На перекрестках всех дорог.
 Я, бедолага, в том кругу,
 На том открытом берегу
 За всё, что не было и было,
 Ответить дважды не смогу.
 Ты в глубину мою взгляни,
 В мои загадочные дни.
 Там ныне светят всем, запомни,
 Оставленные мной огни.

Я рос, и мой упрямый пыл
 Костры в седой ночи палил
 И путеводною звездой
 Проводникам в дороге был.
 Я там с собою принял бой
 Своею волей и судьбой.
 А за беду и униженья,
 Потомок, сжался надо мной.
 Нутро мое – огонь и яд,
 В нем все терзанья догорят.
 А песня – сплетница-чертовка –
 Всё миру выложит подряд.

Перевод М. Дудина

А. Галимбаева. Песнь Казахстана

* * *

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром.
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный у ней легок, узок и прям.
Розов отсвет ланит — удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Блещут зубы, подобны во всем жемчугам.

Речь нежна и умна — тонкий лепет ручья,
Смех заливчато длится, как трель соловья,
Шея — шелк белоснежный — гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохладу тая.

Средний рост у нее, но величествен вид,
Тонок выгиб спины, взор открыто глядит,
Камышинкою легкой сгибается стан,
И два яблока зреют у ней на груди.

По-ребячески нежен её локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок,
И, потупясь, смущенно туманится взгляд,
Если косы рассыпят свой черный поток.

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но ненадолго дан им душевный покой —
На прекрасной заре восемнадцати лет
Жизнь направит пути их суровой рукой.

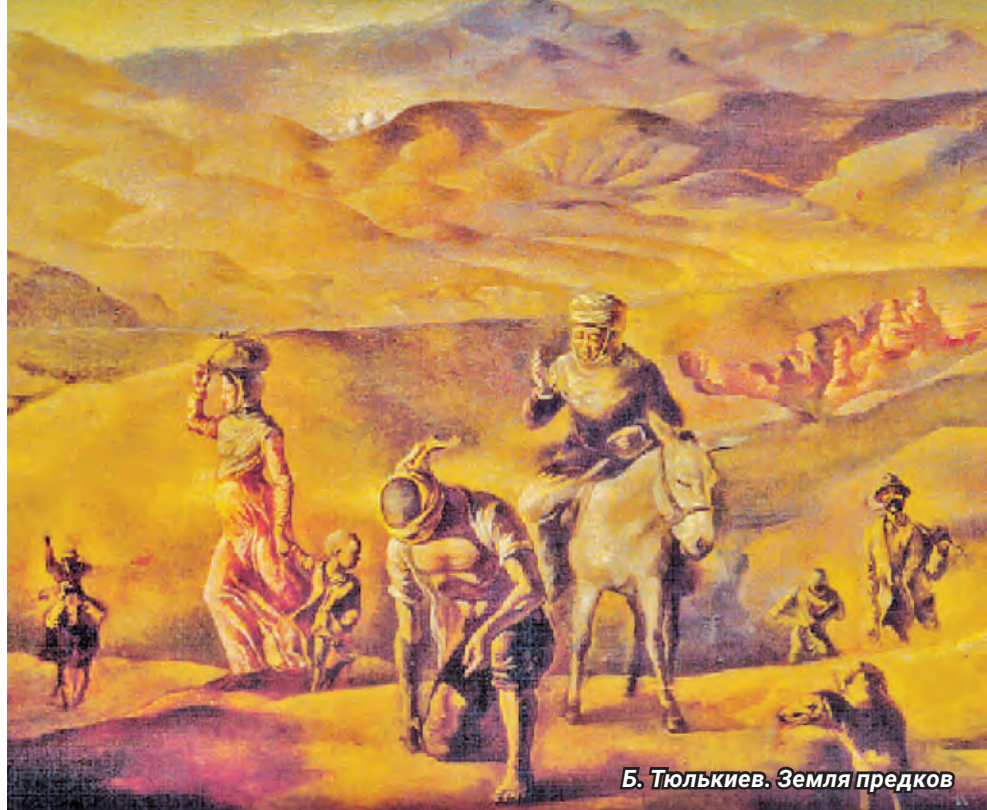
Затаили лукавство, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,
И уж слишком отважны другие, плетя
Сеть кокетства, ужимок, пустой болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно:
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.

Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному свой устремляют порыв,
Те — скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы, и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не растратил себя на тщеславье пустом,
Кто свой дух воспитал на полезном труде
И давно научился ходить за скотом.

Перевод
Вс. Рождественского

Б. Тюлькиев. Земля предков

Старость

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду – зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколенье.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берет, говоря: «Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пущу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец:
«Отойду – не разыщешь, след мой простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

И хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя, – знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме – поживиться бараном...
Как подумаешь, кругом идет голова!

Что ж, барашка зарежь, угощай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдеж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг, и родня».

Кто изменит, – встречаясь, не склонен
краснеть.
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.

Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву – будет сытная снесь».

Осчастливит начальник округу свою:
«Выбирай кого хочешь, свободу даю».
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: «Распопчу! Истреблю!»

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекнешь – огрызнется: «Я в ссоре с тобой».
Человека не вижу, который сказал бы:
«Я доволен своей справедливой судьбой».

Сын отца предает, брата старшего – брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерстевают, слова не звучат.

Заблудились казахи – и злость в их сердцах.
Строят козни друг другу, темно в их глазах.
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, Аллах?

Так проклятье тому, кто клянется и лжет,
Кто за золото душу и честь продает,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почет,
Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предает.

Перевод А. Гатова

Т. Тогысбаев. Абай. Мыслитель. 1971

САГИН-ГИРЕЙ

Жизнь после смерти

Не думал, не гадал, что сотворят икону
Из скромного творца напевов,
мыслей, слов.
И вот пришел он, век тот просвещенный,
За коий я был жизнь отдать готов.

Теперь писателей, ученых тыщи.
Заполнен ими весь духовный окоём.
Но вознесли меня, усердно что-то ищут,
Какой-то тайный смысл в наследии моем.

Был зван Абаем запросто когда-то.
И есть в писаниях моих, наверно, мощь.
Но к ней, тяжеловесной и крылатой,
Пристегнута теперь большая ложь.

А суть моя – предельно нараспашку!
Слагал я песнь, чтоб понял меня всяк –
Степной богач, султан и груз влачащий
тяжкий
Сородич мой, с нуждой смирившийся
бедняк.

Меня же нарекли эстетски недоступным,
Философом таким, к кому не подходи
С умишком слабеньким, не мыслящим
столь крупно,
Как чернь у трона, как Степи вожди.

Меня присвоили, ввели в иконостас,
Туда, где ханы, бии и батыры.
Стал ясен для верхов, как дважды два
четыре,
Народу ж подают меня как божий глас.

Жизнь, между тем, ужасна ещё более:
Запродана вся степь и залежь под землёй.
И стал пособником преступной воли
Ворья у власти слог высокий мой.

И даже век второй – какой огромный
срок! –
После ухода в мир теней бесстрастных
Я одинок! Оболган! Не согласна
Душа моя с тем чтеньем поверх строк!..